

Зритель Наумова жив

Медиаискусство, 1999, - 1 дек. - с. 7

В ДОМЕ кино состоялась премьера фильма классика отечественного кино режиссера Владимира Наумова «Тайна Нардо, или Сон белой собаки», снятого по сценарию Тонино Гуэрры, Владимира Наумова и Григория Кушнера. Помещенный в перегруженное метафорами пространство криминальный сюжет об убийстве крупного политического и финансового деятеля, расследованием которого занялась убитая горем вдова (эту роль, естественно, играет Наталья Белохвостикова), не является в фильме главным. Владимиру Наумову было важно вставить в картину художественные рефлексии о бренности бытия, нескончаемое количество цитат из своих же (с Аловым) фильмов, перемешать времена и стили, а также выдать множество загадочных символов, связанных с собственным творчеством и кинематографом Федерико Феллини, к последователям которого Наумов причислен. Философским лейтмотивом фильма можно считать классическую и вполне простодушную мысль о том, что человечество — это слепцы, обреченные на гибель. Библейская притча непременно проиллюстрирована брейгелевскими «Слепыми» из давнего фильма Наумова о Тиле Уленшпигеле. Из картины «Белый праздник» режиссер переместил сюда персонаж Армена Джигарханяна, получившего все полномочия кил-

лера и вполне кинематографическую кличку Ворошиловский стрелок.

В первых кадрах фильма появляется **Иннокентий Смоктуновский**, сыгравший в предыдущей картине Наумова, — режиссер использовал старые съемки. Персонаж Смоктуновского впоследствии перевоплощается в Леонардо да Винчи (в этой роли снялся, разумеется, другой актер). Персонаж по имени Нардо — из записок Леонардо да Винчи, который и становится в фильме обобщающим зашифрованным образом художника, живущего в пространствах разных времен. Уютнее всего он чувствует себя, конечно, в эпохе Возрождения. В сегодняшнем хаосе он бомж, молчаливый философ, знающий ответы на все вопросы, но никому не раскрывший своей тайны. У него есть белая собака, которой он приделывает бумажные крылья. Беспомощное животное пытается взлететь, как какой-то перепончатый птеродактиль, но усилия эти тщетны, поэтому ему приходится ограничиться быстрыми пробежками по символическим просторам. Вероятно, это образ несбыточной мечты, а может, и призрачной Музы, возможно даже, что эта сюрреалистическая собачка является неким материализованным идеалом, который существует в сознании художника и который ему внятен, но недостижим для просто-

го смертного. Есть здесь и знаменитый Дом на набережной с его безумными, деградирующими обитателями, есть рельсы, проложенные на первом этаже Дома и ведущие в никуда. Есть эпизод, в котором Леонардо да Винчи беседует с Питером Брейгелем на могиле Федерико Феллини, часы без стрелок, картины Босха, заснеженные поля и баня, где все ходят в пальто и с зонтиками, мобильные телефоны и уличный телефон-автомат с оборванным проводом. Одним словом, все это — сон белой собаки, как сказано в названии.

Фильм получился длинным, тягучим и подробным. Персонажи, похожие на призраки, как и положено во сне, передвигаются медленно, будто перетекая из одного эпизода в другой. Скрупулезно выстроенный каждый кадр — многозначительный символ, пробиться к смыслу которого весьма нелегко. Самоцитирование режиссера только затрудняет догадки. Картина смотрится архаичной и громоздкой, как паровоз, пробивающий в одном из эпизодов фильма стену Дома на набережной. Однако наверняка и у нее найдутся зрители, которым такой кинематограф близок и внятен. Так что Владимиру Наумову, к счастью, пока не придется повторить печальную фразу великого Феллини: «Мой зритель умер».

Антон СТЕПАНОВ